

УДК 811.512.15.1'342
DOI 10.17223/18137083/59/10

И. Я. Селютина, Н. С. Уртегешев

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Фонетические изменения в позициях сандхи в аналитических формах тюркского глагола как феномен исторической памяти этноса*

Анализ фонетических трансформаций, происходящих в позициях внешнего и внутреннего сандхи в глагольных аналитических конструкциях трех южносибирских тюркских языков – чалканского, шорского и тувинского, свидетельствует о типологической общности структурных преобразований в алтае-саянских языках, детерминированной единым региональным архетипом, заложенным в генетической памяти этносов. В то же время в языках фиксируются различные стадии процесса синтезации аналитических конструкций: от полного стяжения в чалканском до более ранних этапов утраты самостоятельности лексическими компонентами конструкций в тувинском. Если в языке чалканцев стяжение аналитических форм привело к утрате ими прозрачности структуры, к невозможности вычленения вспомогательных глаголов, то в шорских бивербальных конструкциях выделение вспомогательных глаголов не вызывает затруднений, несмотря на активное протекание процессов утраты лексическими компонентами аналитических конструкций самостоятельности, стяжения их в одно слово с соблюдением правил фонотактики и подчинением законам шорского сингармонизма. В тувинском же языке процесс упрощения находится на более ранних этапах, уже пережитых близкородственными южносибирскими тюркскими языками – чалканским и шорским. В основе инновационных модификаций звукового облика аналитических конструкций в русле их синтезации лежат явления десемантизации входящих в их состав глагольных форм, ослабления их статуса, устранения межсловных пауз с последующим слиянием элементов конструкции в единое фонетическое слово, преобразования позиций внешнего сандхи во внутреннее, ассимилятивные процессы. Специ-

* Статья подготовлена в рамках Комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН № П.2П «Интеграция и развитие», проект № 0328-2015-0011 «Формирование новых типов идентичности и отражение исторической памяти в языковом сознании общества».

Селютина Ираида Яковлевна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; siya_irina@mail.ru)

Уртегешев Николай Сергеевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; urtegeshev@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2017. № 2
© И. Я. Селютина, Н. С. Уртегешев, 2017

фика звуковых изменений в языках обусловлена особенностями артикуляционных баз как составляющих исторической памяти этносов, кардинальных маркеров самоидентификации.

Ключевые слова: тюркские языки Южной Сибири, глагольные аналитические конструкции, фонетические преобразования, сандхи, историческая память.

Введение

Целью статьи является обобщение результатов исследования фонетических процессов, происходящих в позициях сандхи в аналитических формах глагола трех южносибирских тюркских языков – чалканского, шорского и тувинского [Селютин и др., 2006; Уртегешев и др., 2007; 2017] и интерпретация полученных данных через призму концепции исторической памяти этноса. Проблема отражения коллективной памяти в языковом сознании этносов и локальных групп Сибири путем анализа звуковых трансформаций ставится впервые.

Актуальность современных междисциплинарных исследований проблематики исторического сознания на материале языков и культур малочисленных народов Сибири и сопредельных регионов обусловлена необходимостью выявления глубинных факторов формирования идентичности – этнической, региональной, национальной – и гармонизации социальных отношений, гражданской консолидации общества.

Одним из надежных и информативных источников изучения исторической памяти народов являются данные экспериментальной фонетики, используемые как основа для построения моделей артикуляционно-акустических баз (ААБ) этносов. Артикуляционно-акустическая база как система произносительных навыков в совокупности с их акустическими эффектами складывается на ранних стадиях формирования этноса и передается из поколения в поколение в своих доминантных чертах даже при условии смены языка в процессе исторического развития этнической группы. Способность ААБ сохраняться и транслироваться через поколения обуславливает возможность использования их в качестве исторического и этнолингвистического источника. ААБ является системой кодирования, хранения и трансляции информации, одним из маркеров культурно-языковой идентичности в оппозиции «свой – чужой».

Анализ фонетических трансформаций, происходящих в глагольных аналитических конструкциях (АК) чалканского, шорского и тувинского языков в сандхиальных позициях, позволит выявить общность и специфику артикуляционно-акустических баз тюркских языков Алтае-Саянского региона как феномена отражения, фиксации и передачи исторической памяти этносов.

Под сандхи мы понимаем, вслед за О. С. Ахмановой, позиционно обусловленные изменения звуков, возникающие на стыке словоформ – внешнее сандхи, на стыке морфем внутри словоформ – внутреннее сандхи [Ахманова, 1966, с. 394]. Особенности фонации согласных в сандхиальных позициях необходимо учитывать как при изучении современного состояния звуковой системы, так и при решении проблем языковой ретроспективы и фонетической типологии.

На материале сибирских языков такое исследование впервые было выполнено В. В. Субраковой [Субракова, 2005, с. 11–14], показавшей, что в хакасском языке позиции внешнего анлаутного и ауслаутного сандхи являются своеобразным маркером степени аналитизма данного словосочетания [Курпешко, Широкова, 1991, с. 8]: если оно осознается как свободное словосочетание, то в анлауте второго слова или в ауслауте первого функционируют долгие глухие фонемы, если же словосочетание стянулось в сложное слово, лексикализовалось, представляет собой аналитическую форму глагола, то в анлауте второго его компонента или

в ауслауте первого реализуются краткие фонемы в своих звонких или озвонченных аллофонах. Позиции начала и конца слова маркируются долгими фонемами, если же позиция начинает осознаваться как позиция внутреннего сандхи – например, в случае лексикализации сочетания, – происходит чередование долгих фонем с краткими [Субракова, 2006, с. 212–213].

Здесь и далее для точной передачи звучания исследуемых АК используется традиционная транскрипционная система Новосибирской фонетической школы, разработанная В. М. Наделяевым [1960], с уточнениями и дополнениями, внесенными его последователями [Сарбашева, 2004; Уртегешев и др., 2009; Уртегешев, 2015; 2016].

Результаты аудитивного анализа бивербальных конструкций чалканского и шорского языков и соответствующих им тувинских трехкомпонентных деепричастных аналитических конструкций позволили выявить, с одной стороны, общность процессов фонетических преобразований, сопровождающих процессы стяжения аналитических конструкций, с другой – существенные различия в степени, скорости развития этих трансформаций.

1. Чалканские аналитические конструкции

В основу исследования положены примеры чалканских аналитических конструкций из экспедиционных материалов 2001–2004 гг., опубликованных в сборниках серии «Языки коренных народов Сибири» [2003, с. 141–189; 2004а, с. 23–47; 2004б, с. 144–175; Озонова, Тазранова, 2004].

Ниже приведены результаты анализа 12 чалканских деепричастных аналитических конструкций типа $Tv=n+V^{сн.}$: $Tv=(n)+t\text{ьит}$ = ‘лежать’, $Tv=(n)+t\text{ур}$ = ‘стоять’, $Tv=(n)+t\text{ьор}$ = ‘ходить’, $Tv=(n)+o\text{ицур}$ = ‘сидеть’, $Tv=n+сал$ = ‘класть’, $Tv=n+ий$ = ‘посылать’, $Tv=n+қал$ = ‘оставаться’, $Tv=n+ал$ = ‘брать’, $Tv=n+нер$ = ‘дать’, $Tv=n+кел$ = ‘идти (к говорящему)’, $Tv=n+нар$ = ‘идти (от говорящего)’, $Tv=n+чық/щық$ = ‘выходить’. Выборка для анализа включает 52 предложения с деепричастными АК [Селютин и др., 2006, с. 218, 220–228, 230–232].

Бивербальные конструкции (БК) этого типа квалифицируются тюркологами как аспектуальные, при этом АК $Tv=(n)+t\text{ьит}$ =, $Tv=(n)+t\text{ур}$ =, $Tv=(n)+t\text{ьор}$ =, $Tv=(n)+o\text{ицур}$ = выражают семантику «длительности», в то время как АК $Tv=n+сал$ =, $Tv=n+ий$ =, $Tv=n+қал$ = – семантику «недлительности», краткости, мгновенности, законченности, результативности действия или состояния [Озонова, Тазранова, 2004, с. 56, 61].

Задачей данного исследования является анализ фонетических изменений, позволяющих судить о процессах синтагматизации указанных выше деепричастных АК чалканского языка.

По степени слияния основного (ОГ) и вспомогательного глаголов (ВГ) аналитические конструкции можно разделить на три группы: 1) АК с полным слиянием ОГ и ВГ: на современном синхронном срезе лексические компоненты рассматриваемых АК утратили самостоятельность, стянувшись в одно слово с соблюдением правил фонотактики и подчиняясь законам чалканского сингармонизма; ВГ используется чаще в усеченной форме, чем в полной; 2) АК с частичным слиянием ОГ и ВГ: процесс стяжения нельзя считать завершенным, поскольку выравнивания по палатальной гармонии гласных в АК не происходит; ВГ может быть как в полной, так и в усеченной форме; 3) АК без признаков слияния: не наблюдается процессов стяжения ОГ и ВГ, сохраняющих свою самостоятельность; ВГ используется только в полной форме.

1.1. АК с полным стяжением ОГ и ВГ. Полное слияние основного и вспомогательного глаголов зафиксировано в трех аналитических конструкциях: $Tv=(n)+t\text{ур}$ = ‘стоять’ и $Tv=n+ий$ = ‘посылать’, $Tv=(n)+t\text{ьит}$ = ‘лежать’.

В АК $Tv=(n)+тур=$ ВГ *тур-* реализуется в усеченной форме: а) *-ты-*: *тыоқ топтым* [høχt̪p̪t̪m] ‘пересказываю=я’ – *тыоқ то=n-ты=м* (< *тыоқ то=n тур=ды=м*), *оцыптым* [ʔɔːʃʰɪp̪t̪m] ‘сизжу=я’ – *оцу=n-ты=м* (< *оцу=n тур=ды=м*), *онноптылар* [ʔɔn̪p̪l̪p̪t̪l̪r] ‘умели=они’ – *онно=n-ты=лар* (< *онно=n тур=ды=лар*); б) *-т-*: *онноптыным* [ʔɔn̪p̪l̪p̪t̪n̪m] ‘знаю=я’ – *онно=n-т-ын-ым* (< *онно=n тур=атан=ым*) – вследствие выпадения финального малошумного «г» основы ВГ, иногда с полной редукцией узкого гласного «ъ». Поскольку в рассматриваемых АК ВГ *тур-* употребляется только после деепричастной формы на *-n*, анлаутный звук «t» вспомогательного глагола в сандхиальной постпозиции к ауслатному глухому «р» ОГ не озвончается, сохраняя свои артикуляторно-акустические характеристики. Для звука «р» при этом облигаторно импозитивное произношение.

В АК $Tv=n+ий=$ между основным и вспомогательным глаголами отсутствует внешняя звуковая пауза, оба слова воспринимаются как единая словоформа. ВГ *ий=* отмечается как в полной форме *-C + ъj-*: *айдыйди* [ʔäːjd̪j̪d̪ʔ] ‘сказала=она’ – *айд=ый=ди* (< *айд=↓ ий=ди=* < *айд=ып ий=ди=*), так и в усеченной *-C + ъ-*: *төлөв ийдивис* [t̪øːβʰid̪βʰisˈc̪] ‘заплатили=мы’ – *төлө=в ий=ди=вис* (< *төлө=n ий=ди=вис*); *нъан ийим* [n̪aːnim] ‘вернулась=я’ – *нъан=↓ ий=им* (< *нъан=ып ий=им*); *тоозыйенис* [t̪oːzʰiʔəːnʰɨs̪] ‘закончили=мы’ – *тооз=ый=ен=ис* (< *тооз=ып ий=ген=ивис*). В усеченной форме у ВГ *ий=* в интервокальной позиции выпадает малошумный щелевой согласный «j».

Практически во всех примерах произошло полное выравнивание сингармонической рядности по первому гласному ОГ: твердорядному в *айдыйди* [ʔäːjd̪j̪d̪ʔ] или мягкорядному в *төлөв ийдивис* [t̪øːβʰid̪βʰisˈc̪], *нъан ийим* [n̪aːnim]; в аналитической по происхождению словоформе *тоозыйенис* [t̪oːzʰiʔəːnʰɨs̪] – < *тооз=ып ий=ген=ивис* процесс дистантной гармонизации еще не завершен.

АК $Tv=(n)+тыт=$ может подвергаться значительной редукции и стяжению: *қорықпийтим* [q̪ɔːr̪ɔq̪p̪iʔt̪m] ‘не боюсь=я’ – *қорық=пий=ти=м* (< *қорық=пий тыад=ым*), *айттым* [ʔl̪ʰt̪m] ‘говорю=я’ – *айт=ты=м* (< *айд=ып тыад=ым*).

В *қорықпийтим* [q̪ɔːr̪ɔq̪p̪iʔt̪m] центральная огласовка аффикса 1-го л. ед. ч. *=ым* после переднерядного гласного предыдущего слога объясняется действием аккомодационных закономерностей, характерных для большинства тюркских языков Южной Сибири (кроме хакасского): среднеязычные (~ передне-среднеязычные) согласные могут сочетаться с постпозитивными гласными только переднего ряда (это гласные «i» (*өстыт* [ʔɔːsʰɦitˈc̪]) или «a» (*тыаттыт* [h̪ˈaːɦitˈc̪]) ‘живут=они’), переднеязычные согласные – только с мягкорядными гласными непереднего артикуляторного ряда (в *қорықпийтим* [q̪ɔːr̪ɔq̪p̪iʔt̪m] это центральнорядный «ъ»).

Реализация АК *киртыт* [kɪrˈhɪtʰ] ‘помню=я’ (<kir=ип тьат), *östыт* [ʔɔ-sʰhɪtʰ] ‘растёт (много)’ – *ös=тыт=* (<öz=ип тьат=), *тьаттыт* [hˈa:hɪtʰ] ‘живут=они’ – *тьат=тыт=* (<тьад=ып тьат), *қорықпийтим* [qɔ-rɔqˌpʲijtʰɪm] ‘не боюсь=я’ – *қорық=пий=ти=м* (<қорық=пий тьад=ым), *айттым* [ʔʌˈjtʰɪm] ‘говорю=я’ – *айт=ты-м* (<айд=ып тур=ым) с соблюдением законов палатально-го и лабиального сингармонизма (в АК <қорықпийтим [qɔ-rɔqˌpʲijtʰɪm] сингармонизм ступенчатый) свидетельствует о том, что в современном языке эти аналитические по происхождению бивербальные конструкции подверглись высокой степени синтетизации и осознаются носителями языка как единое стяженное слово.

Упрощение в позиции сандхи биконсонантных сочетаний переднеязычный + среднеязычный (~ передне-среднеязычный) ⇒ среднеязычный (~ передне-среднеязычный) – *тьаттыт* [hˈa:hɪtʰ] – *тьат= тыт=* (<тьад=ып тьат=) свидетельствует о продолжающемся развитии процессов стяжения аналитических форм, ведущих к окончательной утрате ими прозрачности структуры, к невозможности вычленения вспомогательных глаголов.

1.2. АК с частичным стяжением ОГ и ВГ. Данная группа АК является наиболее многочисленной, она включает пять моделей: **Tv=n+сал=** ‘класть’, **Tv=n+қал=** ‘оставаться’, **Tv=n+ал=** ‘брать’, **Tv=n+пер=** ‘дать’, **Tv=n+кел=** ‘приходить, прийти’.

В АК Tv=n+сал= ВГ *сал-* отмечается как в полной форме: *пер салтыр* [pˈɛrˌsɑltɪr] ‘отдал=он’ – *пер сал=тыр=* (<пер=ип сал=тыр=); *қаап салдым* [qɑːpˌsɑldɪm] ‘схватила=я’ – *қа=ап сал=ды=м* (<қав=ып сал=ды=м), так и в усеченной: *үзген саан* [ʔyːrˈɛŋˌsɑːn] ‘отучились=они’ – *үзген са-ан=* (<үзген=ип сал=ган); *төлөн саам* [tʰɔlʰɔpˌsɑːm] ‘решила=я’ – *төлө=п са-ам* (<төлө=п сал=ган=ым). Малошумный смычный латеральнощелевой согласный *l*, оказавшись в результате наращенного аффиксов в интервокале или в препозиции к малошумному «*q*», выпадает, в последнем случае полной редукции подвергается весь биконсонантный комплекс. В результате последующего стяжения двух вокальных компонентов образуется долгий гласный. Зафиксированы случаи сокращения или утраты вторичной долготы: в АК *эт саанар* [ʔɛtˌsɑːnɪrʰ] ‘сделали=они’ – *эт=↓ са-ан-ар* (<эд=ип сал=ган=нар) гласный «*ɑː*» полудолгий, в АК *суқ саам* [sʊqˌsɑːm] ‘спрятала=я’ – *суқ=↓ са-ам* (<суғ=ып сал=ган=ым) гласный «*ɑː*» краткий.

В конструкциях Tv=n+қал=, аналитических по происхождению, отсутствует словесная пауза между основным и вспомогательным глаголами, бивербальная конструкция воспринимается как единая словоформа. Исключение составляют АК *үзген қаам* [ʔyːrˌɛŋˌqɑːm] ‘привык=я’, *кир қаан* [kɪrˌqɑːn] ‘спрятался=он’, в которых в анлауте вспомогательного глагола сохраняется сильная напряженность и фарингализованность аспирированного звука «*q*».

ВГ *қал*= отмечается как в полной форме -C + *qal*- (*арт қалтыр* [(*-m*) *lɪrtq̣˚ɑlʲtɪr* (*q̣˚ ⇒ ɟ˚*)] ‘осталось’ – *арт*=↓ *қал*=*тыр*= (< *арт*=*ып* *қал*=*тыр*=); *тьӧжӧн қал* [*h̥ɔʒ'ɔnq̣˚ɑ:l*] ‘спрятался=он’ – *тьӧжӧн*=↓ *қал*=↓ (< *тьӧжӧн*=*ып* *қал*=*ып*=); *пол қалам* [*p̣˚ɑl'q̣˚ɑ:lɪm*] ‘стала=я’ – *пол*=↓ *қал*-*ам* (< *пол*=*ып* *қал*=*ған*=*ым*); *түйи қалза* [*ṭ˚üj'q̣˚ɑlzɪʔ*] ‘выпадет=если’ – *түйи*=↓ *қал*=*за*= (< *түйж*=*ып* *қал*=*за*=)), так и в усеченной форме -C + *qa*- (*ӧл қаан* [*ʔø·λqɑ·n*] ‘погиб=он’ – *ӧл*=↓ *қа*-*ан*= (< *ӧл*=*ып* *қал*=*ған*=); *үзрен қаам* [*ʔy·ɑr'eŋ'q̣˚ɑm*] ‘привык=я’ – *үзрен*=↓ *қа*-*ам* (< *үзрен*=*ып* *қал*=*ған*=*ым*); *кир қаан* [*k'ir'q̣˚ɑn*] ‘спрятался=он’ – *кир*=↓ *қа*-*ан*= (< *кир*=*ып* *қал*=*ған*=)). В усеченной форме у ВГ *қал*= при аглутинации в интервокальной позиции выпадает малошумный щелевой согласный «l», при стечении звуков «l» и «q» на стыке морфем выпадает звуковой комплекс «lq».

Во всех примерах, в которых звуковая ось основного глагола реализуется как мягкорядная, выравнивания сингармонического ряда всего аналитического комплекса не происходит – звуковое оформление ВГ остается твердоярдыным, причем даже в тех случаях, где произошло слияние компонентов БВК в одно фонетическое слово (*ӧл қаан* [*ʔø·λqɑ·n*], *тьӧжӧн қал* [*h̥ɔʒ'ɔnq̣˚ɑ:l*], *түйи қалза* [*ṭ˚üj'q̣˚ɑlzɪʔ*]) и констатируется глухость ауслаутного малошумного согласного основного глагола в результате регрессивной ассимиляции под воздействием анлаутного шумного глухого «q» вспомогательного глагола (*ӧл қаан* [*ʔø·λqɑ·n*], *үзрен қаам* [*ʔy·ɑr'eŋ'q̣˚ɑm*]).

Бивербальные конструкции *Tv=n+al*= реализуются как в полной форме (*тып алдывыс* [*h̥ɪ'ɪp̣˚ɑ:lɪdɪβɪ̃s̃*] ‘стели=мы’ – *ты*=*n* *ал*=*ды*=*выс*; *оцыв алдывыс* [*ʔö:ʃ'ɪβɪ̃ldɪβɪ̃s̃*] ‘сели=мы’ – *оцы*=*v* (< *=p*) *ал*=*ды*=*выс*), так и в усеченной форме (*үзредаан* [*ʔür'edɑn*] ‘выучила=она’ – *үзред*=↓ *a*-*ан*= (< *үзред*=*ып* *ал*=*ған*=); *таванар* [*ṭ˚ɑ:lβɪ̃nɑr*] ‘нашли=они’ – *тав*-*ан*-*ар* (< *тав*=*ып* *ал*=*ған*=*нар*)). В стяженных АК согласный основного глагола, оказавшийся в ауслауте при выпадении аффикса деепричастия, сохраняет свою звонкость в препозиции к анлаутному гласному ВГ: *үзредаан* [*ʔür'edɑn*], *таванар* [*ṭ˚ɑ:lβɪ̃nɑr*]. Произношение полных АК вариативно, что обусловлено незавершенностью процессов синтеза. В одних примерах полных АК не только сохраняются межсловная пауза и качество ауслаутного сильнонапряженного глухого придыхательного согласного «p̣˚» деепричастной формы основного глагола, но и акцентируется долготой начальный гласный вспомогательного глагола: *тып алдывыс* [*h̥ɪ'ɪp̣˚ɑ:lɪdɪβɪ̃s̃*], что свидетельствует о полной самостоятельности компонентов АК. В других фразах с полными АК пауза между словами устраняется, внешнее сандхи трансформируется во внутреннее – вследствие фонетических преобразований создается фонетический контекст, способствующий озвончению финального «p̣˚» основного глагола: *оцыв алдывыс* [*ʔö:ʃ'ɪβɪ̃ldɪβɪ̃s̃*], что указывает на процесс стяжения. В стяженных АК с мягкорядной звуковой осью основного глагола – первого компонента словосо-

четания – гармонической дистантной ассимиляции не происходит (*yǝredaan* [ʔö'edän], *оцыв алдывыс* [ʔö:ʃ'ɪβlɪdɪβɨ̃s]).

Зафиксированные случаи использования АК $Tv=n+ner=$ дают очень неоднозначную картину фонетических изменений в позициях внешнего и внутреннего сандхи, отражающих начальные этапы трансформации БВК. Многовариантность произношения одних и тех же АК также свидетельствует о том, что процессы синтеза далеки от завершения: *тап верем* [tʌp>p'əg'əm] 'найду=я' – *та=n* *вер=e=м* (< *тав=ын пер=ер=им*); *айтпеенер* [ʔʌj't>p'ən'əg'ɪ] 'сказали=они' *айт=пе-ен-ер* (< *айд=ын пер=ген=нер*); *экел верди* [(ʔö:tür) f'əksəl'əβ' əg'də ~ ʔəksəl' β'əg'd'ɨʔ] 'принесла=она' – *экел=↓* *верди=* (< *ал=ын кел=e* *вер=ди=*); *экел верди* [ʔəksəl'p'əg'dɨʔ]. Как исключение был зафиксирован случай диссимиляции, нехарактерный для сибирских тюркских языков, когда в позиции внешнего сандхи в постпозиции к глухому шумному согласному констатируется факультативный шумный звонкий «β»: *тап верем* [t'əp'β'əg'əm].

В бивербальных аналитических конструкциях $Tv=n+кел=$ (*ньанкем* [ɲan>'k̚ɛm] 'вернулась=я' – *ньан=↓* *ке-м* (< *ньан=ын кел=ген=ым*); *кир кеен* [ʔ'k'ɪr'k̚ɛn] 'вошел=он' – *кир=↓* *ке-ен=* (< *кир=ип кел=ген=*); *тур келтир* [tʊr'k̚ɛl't'ɪ] 'встала=она' – *тур=↓* *кел=тир=* (< *тур=ын кел=тир=*); *алкен* [ʔʌl'k̚ɛp] 'брали' – *ал-ке-п* (< *ал=ын кел=ип*)), так же как и в трехглагольных $Tv=n+ал+=кел=$ (*кез алкен* [kɛ:zʌlqʌp>] 'отрезав' – *кез=↓* *ал=ке-п* (< *кез=ип ал=ын кел=ип*); *көр алкен* [kʊrʔ ʌlqʌp>] 'увидев' – *көр=↓* *ал-ке=п* (< *көр=ип ал=ын кел=ип*)) между основным и вспомогательным/вспомогательными глаголами отсутствует внешняя звуковая пауза, АК воспринимается как единая словоформа.

Вспомогательный глагол *кел=* отмечается в усеченной форме $-C + kɛl-$ ⇒ $-C + ke-$, реже – в полной. Усеченная форма образуется в результате выпадения малозвонкого звука «l» или сочетания малозвонких «lq» в интервокале на стыке морфем. Вторичная долгота гласного при этом не фиксируется.

В полной форме инициальный согласный k̚ вспомогательного глагола сильнонапряженный (*тур келтир* [tʊr'k̚ɛl't'ɪ]), в то время как в той же позиции в краткой форме звук «'k̚ɛ» – сильнонапряженный фарингализованный аспирированный (*ньан кем* [ɲan>'k̚ɛm], *кир кеен* [ʔ'k'ɪr'k̚ɛn]). Препозитивный по отношению к анлаутному *k* нещелевой согласный реализуется как имплозивный.

В трехглагольных аналитических конструкциях происходит смена палатальной сингармонической рядности вспомогательного глагола *кел=* с мягкой на твердую по аналогии с препозитивным ВГ *ал=*: *кез алкен* [kɛ:zʌlqʌp>] – *кез=↓* *ал=ке-п* (< *кез=ип ал=ын кел=ип*); *көр алкен* [kʊrʔ ʌlqʌp>] – *көр=↓* *ал-ке=п* (< *көр=ип ал=ын кел=ип*). При этом в анлауте ВГ звук [q] реализуется как умереннонапряженный.

основного глагола вследствие утраты им информативности, в большинстве случаев устранена внешняя пауза, выполнявшая делимитативную функцию между компонентами БВК.

В составе вспомогательного глагола в ряде случаев констатируется ослабление сильнонапряженных (фарингализованных) артикуляций в анлауте ВГ, выпадение звуков или звуковых комплексов (чаще всего – «l» или «lor») в интервокале на стыке морфем с последующим стяжением соседних гласных в один долгий и утратой этой долготы – в речи современных чалканцев случаи реализации вторичной долготы в стяженных АК фиксируются крайне редко.

При возникновении в результате стяжения определенного фонетического контекста на стыке основного и вспомогательного глаголов происходит контактная регрессивная ассимиляция ауслота ОГ по звонкости-глухости, реже – двусторонняя ассимиляция, причем, если ОГ дву- или многослоговой, указанные процессы, как правило, завершаются раньше, чем в однослоговых ОГ. При создании благоприятных фонетических условий для образования позиционной долготы гласных как в основном, так и во вспомогательном глаголах широкий этимологически краткий гласный открытого слога удлиняется перед слогом с узким гласным до длительности вторичного долгого, происходит фонологизация позиционной долготы.

Значительно медленнее осуществляется сингармонизация – дистантная ассимиляция по палатальной и лабиальной рядности – вспомогательных компонентов бивербальных конструкций, осложняя тем самым процессы их синтетизации; особенно медленно происходят эти процессы в тех аналитических конструкциях, в которых звуковая ось вспомогательного глагола твердорядная.

2. Шорские аналитические конструкции

В современном шорском языке существуют значительные ограничения на использование аналитических конструкций. Многие АК, зафиксированные в фольклорных текстах или художественных произведениях 30-х гг. прошлого столетия, малопродуктивны или вовсе не используются шорцами в обыденной речи, а также в литературных произведениях.

Фонетические изменения, происходящие на стыке слов и морфем, на материале шорских аналитических форм глаголов систематически не изучались. Некоторые фрагментарные, хотя и теоретически значимые наблюдения и выводы по данной проблематике содержатся в трудах Н. П. Дыренковой [1941, с. 216–262], Н. Н. Курпешко и Н. Н. Широбоковой [1991], Э. Ф. Чиспиякова [1992a], И. В. Шенцовой [1997], Н. С. Уртегешева [2002; 2004].

Для исследования в данной статье использовались примеры с аналитическими конструкциями из произведений художественной литературы, опубликованных в сборнике Чедыген (приложении к журналу «Огни Кузбасса») [Чедыген, 2007], а также из живой разговорной речи носителей шорского языка, записанной Н. С. Уртегешевым во время экспедиций в места компактного проживания шорцев. Полный перечень анализируемых АК приведен в статье «Шорские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи» [Уртегешев и др., 2007, с. 88–94]. Всего выявлено 14 типов АК, которые рассматриваются на 93 примерах.

Все шорские конструкции можно разделить на три группы: АК с абсолютной степенью стяженности ОГ и ВГ, АК с сильной степенью стяженности ОГ и ВГ, АК со слабой степенью стяженности ОГ и ВГ.

2.1. АК с абсолютной степенью стяженности ОГ и ВГ. В конструкциях $Tv=n+odur=$, $Tv=n+ysc=$, $Tv=n+al=$, $Tv=a+ner=$, $a(лып)+kel=$, $a(лып)+nar=$, $a(лып)+шық=$, аналитических по происхождению, полностью устранена словес-

ная пауза между основным и вспомогательным глаголами, бивербальный комплекс воспринимается фонетически как единая словоформа: *ызыбодурча* [ʔɨː=zɨ̃/=/bòː=dùr=ʔh̥ɕːaʔ] ‘рассказывает’, *перибодур* [p'eːr/=/bòː=dùr] ‘передай’, *пожадыбыстым* [pò=z'aː/=/dɨ̃=bɨ̃sː=ʔtɨ̃m> ~ pò=z'aː/=/dɨ̃=bsː=ʔtɨ̃m>] ‘выпустил=я’, *айланмысты* [ʔλːj=ʔan>/=/mɨ̃sː=ʔtɨ̃ʔ] ‘вывернул=он’, *уңнабалдым* [ʔöŋ>=nλ/=/bːáɫ=dɨ̃m>] ‘узнал=я’, *шомыбалып* [ʔʃːøm>=mːáː/=/ʔɨ̃p> ~ ʔʃːøm>=bːáː/=/ʔɨ̃p>] ‘купавшись’, *парабердим* [pλː=ʔλː=bːeʔ=d'ɨ̃m>] ‘поехал=я’, *узуберди* [ʔùː=zùː=bːeʔ=d'ɨ̃ʔ] ‘уснул=он’.

Хотя в шорском языке не представляет особой сложности вычленение вспомогательных глаголов в аналитических по происхождению БВК (например: *албалды* < *ал=ып ал=ды* ‘взял’, *келеберди* < *кел=e пер=ди* ‘пришел’, *одурбодурды* < *одур=ып одур=ды* ‘сидеть (долго)’, *акел* < *ал=ып кел=* ‘принеси’, *парбсты* < *пар=ып ыс=ты* ‘ушёл’), тем не менее в некоторых случаях такие затруднения возникают. Связано это с тем, что в спонтанном произношении и при слогоделении ауслатный согласный деепричастной формы ОГ примыкает к постпозитивному ВГ или выпадает, компенсируясь в звуковой оболочке ОГ долгой препозитивного гласного: *одурбодургам* [ʔùː=dùr/=/bòː=dùr=ɔɑm < *одур=ып одур=гам* ‘сидел (долго)=я’, *шыгвал* [ʔʃːɪːɔ/=/βːáɫ] < *шық=ып ал=* ‘выйди=ты’, *киреберди* [kiːʔeː=bːeʔ=d'ɨ̃ʔ] < *кир=e пер=ди* ‘вошел=он’.

Вместе с тем одним из основных рефлексов аналитизма в указанных БВК (кроме АК *Tv=n+ыс=*) является реализация в их звуковых оболочках сингармонических алгоритмов (сингармем [Джунисбеков, 1988]), реализующихся в глагольных компонентах БВК: выравнивания по сингармоническому ряду не происходит, если сингармема основы не совпадает с сингармемой вспомогательного глагола: *эртибодурча* [ʔɨʔːtː/=/bòː=dùr=ʔh̥ɕːaʔ] ‘проходит=он’, *үрүдибодуруп* [ʔüːrː=qüd' /=/bòː=dùː=ʔröp>] ‘радуя’, *үргенбалдым* [ʔürː=ʔenː>/=/mːáː=ldɨ̃ʔ] ‘выучился=он’, *көрибалып* [kòːrː/=/bːáː=ʔɨ̃p>] ‘увидев’, *тартаберди* [tλrː=ʔtːλ=bːeʔ=d'ɨ̃ʔ] ‘закурил=он’, *узуберди* [ʔùː=zùː=bːeʔ=d'ɨ̃ʔ] ‘уснул=он’, *аккелер* [ʔλk>=ʔkːe=ʔer' ~ ʔáː=ʔkːe=ʔer'] ‘принести’.

Исключение в этом плане представляют АК со вспомогательным глаголом *ыс=*. Н. П. Дырenkova в «Грамматике шорского языка» [1941, с. 216] отмечает следующее: «Глагол *ыс* присоединяется к деепричастию на *n* главного глагола – его полной форме. Он сливается с главным глаголом в отношении сингармонизма, теряя, таким образом, свое самостоятельное существование. Глагол *ыс* теряет свою значимость и выполняет чисто служебную функцию. Гласный глагола *ыс* лабиализуется в зависимости от губности гласных главного глагола (в говорах шорцев низовья р. Мрассу и верховья р. Томи). В говорах шорцев верховья р. Мрассу и р. Кондомы лабиализация проявляется значительно слабее. В быстрой речи (после основ на *p* и *l*) гласный деепричастного аффикса имеет характер беглого; напр.: *парбысты* (~ *парыбысты* ~ *пар-ып ыс-ты*), *келбисти* (~ *келибисти* – *кел-ип ыс-ты*)».

Как свидетельствуют результаты нашего исследования, на современном этапе развития языка в бивербальных конструкциях с вспомогательным глаголом *ыс=*

облигаторно осуществляется полное выравнивание сингармонической рядности по первому гласному ОГ: твердорядному – *салыбысты* [ˈs:l:≠/lʲ=bʲsːˠ=tʲ] ‘разжёл=он’, *пожадыбыстым* [pò=ʒ'a:≠/dʲ=bʲsːˠ=tʲm> ~ pò=ʒ'a:≠/dʲ=bsːˠ=tʲm>] ‘выпустил=я (о книгах)’, *айланмысты* [ʔλ:j=lʲan>≠/mʲsːˠ=tʲʔ] ‘вывернулся=он’, *шыгыбыстың* [ʔʲ:l:≠qʲ≠/bʲsːˠ=tʲŋ>] ‘вышел=ты’, *парысты* [pλ:≠/rʲsːˠ=tʲʔ] ‘ушёл=он’; мягкорядному – *көрүнмисти* [kõ:≠rʲyn>≠/mʲsːˠ=tʲʔ] ‘завиднелось’, *ишлибисти* [ʲʃ:l:e:≠/lʲ=bʲsːˠ=tʲʔ] ‘бросил=он’, *көрүнмисти* [kõ:≠rʲyn>≠/mʲsːˠ=tʲʔ] ‘завиднелось’, *өлибистим* [ʔø:≠λʲlʲ≠/bʲsːˠ=tʲʔm>] ‘умер=я’, *көбленмисти* [kõ:≠lʲen>≠/mʲsːˠ=tʲʔ] ‘полнобил=он’.

Приведенные примеры свидетельствуют о действии в пределах полностью синтезированной шорской словоформы четких алгоритмов сингармонизма. Функциональная твердорядность или мягкорядность гласного основы ОГ детерминирует качество вокальной оси стяженной бивербальной конструкции, аналитической по происхождению: после твердорядного гласного основы ОГ реализуются лишь гласные центральнозаднего артикуляторного ряда; если же гласные основы ОГ мягкорядные – как правило, переднерядные или центральнорядные, то вокальные составляющие вспомогательного глагола могут реализоваться лишь как центральнорядные.

Таким образом, результаты аудитивного анализа свидетельствуют о существенных фонетических изменениях, результатом которых стало преобразование АК $Tv=n+ыс=$ в единый стяженный комплекс.

2.2. АК с сильной степенью стяженности ОГ и ВГ. Звуковые реализации аналитических конструкций $Tv=(n)+пер=$, $Tv=(n)+кел=$, $Tv=(n)+нар=$, $Tv=(n)+сал=$, $Tv=(n)+тур=$, $Tv=(n)+қал=$ характеризуются полным отсутствием разделительной словесной паузы между основным и вспомогательным глаголами, весь бивербальный комплекс воспринимается как единое фонетическое слово, хотя в нем четко можно выделить составляющие его основной и вспомогательный глаголы, например: *айтнер* [ʔá:jt>=pʲerʲ] ‘скажи’, *айдан перди* [ʔá:j=dʲp>=pʲerʲ=dʲʔ] ‘сказала=она’, *ашкел* [ʔλ:ʃʲ=ʲk:elʲ] ‘открыл=он’, *турыпкел* [tù:≠rʲp>=ʲk:elʲ] ‘встав’, *перкелип* [pʲerʲ=ʲk:elʲ=lʲipʲ] ‘передав’, *кирпарды* [kʲrʲ=parʲ=dʲʔ] ‘вошёл=он’, *чайылпартыр* [ʲħç:a:≠ʲlʲ=parʲ=tʲrʲ] ‘расстелился’, *тудунсалтыр* [tù:≠dün>=s:lʲ=tʲrʲ] ‘держался, оказывается=он’, *атсалып* [ʔλt>=s:lʲ=lʲp>] ‘выстрелив’, *чайыл турча* [ʲħç:a:≠ʲlʲ=tù:≠rʲħç:aʔ] ‘расстилается=он’, *көйтурча* [kõj=tù:≠rʲħç:aʔ] ‘горит=он’, *келбенқалды* [ʲk:elʲ=lʲbʲen>=ʲq:á:≠ldʲʔ ~ ʲk:elʲ=lʲbʲen>=ø:á:≠ldʲʔ] ‘не вернулся=он’.

Во всех примерах, в которых произошло слияние компонентов БВК в одно фонетическое слово, но сингармема основного глагола не совпадает с сингармоническим тембром вспомогательного вербального компонента, выравнивания сингармонического ряда всего комплекса, аналитического по происхождению, не происходит – звуковое оформление ВГ остается либо твердорядным (*чүзүр парып* [ʲħç:y:≠çürʲ=parʲ=rʲp>] ‘убегая’, *өспартыр* [ʔø:sʲ=parʲ=tʲrʲ] ‘выросла, оказывает-

ся=она', *иштепсалдың* [ʔb̄:ʃ^ot:zr_>=s:ʌl=d̄b̄ŋ_>] 'сделал=ты', *келтурғаны* [ʔk:el'=t̄oŋ^oq̄:á:n̄b̄ʔ] 'шли=сюда', *келтурча* [ʔk:el'=t̄o:=r'ħç:aʔ] 'подходит=он', *пертурча* [p^oer'=t̄o:=r'ħç:aʔ] 'передают=они', *келбенқалды* [ʔk:ε:=l'b^oen_>=q̄:á:=ld̄b̄ʔ ~ ʔk:ε:=l'b^oen_>=ō:á:=ld̄b̄ʔ] 'не вернулся=он', *тегбенқалтырым* [t̄z:=ȳb^oen_>=q̄:á:=l't:ĩ=ḡm_> ~ t̄z:=ȳb^oen_>=ō:á:=l't:ĩ=ḡm_>] 'не тронул=я'), либо мягкорядным (*айт-пер* [ʔá:j̄t̄=p^oer'] 'скажи', *тугперейин* [t̄o:γ̄=p^oε:=r'e:=ʔm_>] 'родится', *ашкел* [ʔλ:ʃ='k:el'] 'открыв', *уркелдим* [ʔo:ŋ='k:el'=d'ĩm_>] 'налил=я', *азынкелип* [ʔá:=z̄b'n_>=ʔk:ε:=l'ip'] 'повиснув').

Таким образом, в приведенном материале констатируются различные этапы активно протекающих процессов стяжения АК в единое слово. Наиболее продуктивны явления синтезации в аналитических конструкциях с твердорядной вокальной осью основного глагола: слияние БВГ в единое беспазуальное слово, стыковочные консонантные компоненты которого подчиняются ассимилятивным законам внутреннего сандхи, происходит даже в тех случаях, когда анлаутный согласный ВГ еще сохраняет сильную напряженность и фарингализованность, маркирующие, как правило, начало слова: *тартсалдың* [t̄λŋ't:=s:ʌl=d̄b̄ŋ_>] 'затянул=ты', *тудунсалтыр* [t̄o:=d̄oŋ_>=s:ʌl='t:ĩŋ] 'держал, оказывается=он', *чатқалды* [ʔħç:at_>=q̄:á:=ld̄b̄ʔ] 'прожил=он'.

В конструкциях с мягкорядным основным глаголом слияние частей аналитических форм, ВГ в которых имеет сильнонапряженную фарингализованную инициаль, замедляется необходимостью осуществления дистантной ассимиляции по палатальной рядности, сингармонизации фрагментов комплекса: *иштепсалдың* [ʔb̄:ʃ^ot:zr_>=s:ʌl=d̄b̄ŋ_>] 'сделал=ты', *келбенқалды* [ʔk:ε:=l'b^oen_>=q̄:á:=ld̄b̄ʔ ~ ʔk:ε:=l'b^oen_>=ō:á:=ld̄b̄ʔ] 'не вернулся=он', *пербен қалды* [p^oε:=r'b^oen_>=q̄:á:=ld̄b̄ʔ ~ p^oε:=r'b^oen_>=ō:á:=ld̄b̄ʔ] 'не дал=он', *көрбенқалтырым* [k̄o:=r'b^oen_>=q̄:á:=l't:ĩ=ḡm_> ~ k̄o:=r'b^oen_>=ō:á:=l't:ĩ=ḡm_>] 'не заметил, оказывается=я'.

2.3. АК со слабой степенью стяженности ОГ и ВГ. Для бивербальных комплексов $Tv=n+иық$, $Tv=(n)+көр$, $Tv=(n)+чөр$ свойственно сохранение слабой внешней словесной паузы между основным и вспомогательным глаголами. Конструкция не воспринимается как единая словоформа, компоненты БВК, как правило, осознаются носителями языка как два самостоятельных слова: *ундудыл шықты* [ʔo:=n_>d̄o=d̄b̄l ʔf:i:=q_>t̄b̄ʔ] 'стали забываться=они', *айдып шықты* [ʔá:j̄=d̄b̄r_> ʔf:i:=q_>t̄b̄ʔ] 'заговорил=он', *кел шықты* [ʔke:l ʔf:i:=q_>t̄b̄ʔ] 'стало выглядывать=оно', *пар көрей* [p̄lŋ k̄o:=r'ej] 'схожу-ка=я', *чат көрең* [ʔħç:at_> k̄o:=r'en] 'давай попробуем прожить', *қамнап чөр* [ʔq:am_>=n:l̄r_> ʔħç:øŋ] 'камлая', *учуқ чөрчалар* [ʔo:=ʔħf̄yq ʔħç:ø:=r'ħç:a=lŋ] 'летают', *чүгүр чөрча* [ʔħç:y:=q̄öŋ ʔħç:ø:=r'ħç:aʔ] 'бегает=он'.

Таким образом, результаты аудитивного анализа деепричастных бивербальных конструкций шорского языка свидетельствуют об активно развивающихся процессах преобразования аналитических комплексов в синтезированные единства.

Фонетические трансформации, сопровождающие процессы стяжения АК, распространяются на все рассматриваемые конструкции, хотя и реализуются с различной степенью интенсивности.

Фактически во всех АК, в которых в позиции внешнего сандхи комбинируются согласные – основной глагол в форме деепричастия оканчивается на *-n*, а вспомогательный имеет консонантный анлаут, – произошла полная редукция деепричастного показателя ОГ *-(ы)n*: $Tv=(n)+nep=$, $Tv=(n)+kel=$, $Tv=(n)+nar=$, $Tv=(n)+sal=$, $Tv=(n)+tur=$, $Tv=n+щық=$, $Tv=(n)+қал=$, $Tv=(n)+кӧр=$, $Tv=(n)+чӧр=$, $a(лын)+kel=$, $a(лын)+nar=$, $a(лын)+шық=$.

В конструкциях $Tv=n+одур=$, $Tv=n+ыс=$, $Tv=n+ал=$, в которых ВГ имеет вокальный анлаут, деепричастный показатель ОГ *-ын* сохранился, но утратил свою информативность, выполняя фактически функцию интерфикса, соединяющего две основы в пределах одной словоформы.

Почти во всех конструкциях устранена внешняя (межсловная) пауза, выполнявшая делимитативную функцию между компонентами БВК.

В ряде АК констатируется ослабление сильнонапряженных (фарингализованных) артикуляций в анлауте ВГ.

При создании благоприятных фонетических условий для образования позиционной долготы гласных как в основном, так и во вспомогательном глаголах широкий или полуузкий этимологический краткий гласный открытого слога удлинится перед слогом с узким гласным до длительности вторичного долгого, происходит фонологизация позиционной долготы.

Если фонетические трансформации, происходящие на сегментном уровне, определяют степень стяжения большинства рассмотренных аналитических конструкций как абсолютную и сильную, то на суперсегментном уровне преобразования осуществляются не столь интенсивно: фактически не происходит сингармонизации – дистантной ассимиляции по палатальности и лабиальности вспомогательных компонентов бивербальных конструкций. Несоблюдение в пределах звуковых цепочек АК законов шорского сингармонизма сигнализирует о незавершенности процессов синтезаций.

Хотя в литературе отмечается функционирование в шорском языке целого ряда аффиксов и частиц, имеющих либо только твердорядные настройки (*-ча* – аффикс настоящего времени, *-чатқан* – показатель настоящего несовершенного времени, *-қылақ* – показатель признака предмета, *-чадын* – показатель действия, предшествующего или сопутствующего действию главного глагола, *-чаттыр* – аффикс настоящего времени неожиданного действия, *-аар/-лаар* – аффикс повелительного наклонения 2-го л. мн. ч., *-тагы* – аффикс прилагательного, *-арақ* – аффикс слабой степени интенсивности, *да* – частица уступительности, *-ча* – аффикс продольного падежа) или только мягкорядную огласовку (*-че* – аффикс сравнительно-предельного падежа, *неди* – вопросительная частица) [Чиспияков, 1992а, с. 49, 302–304; 1992б, с. 35–37, 49–50], это не может свидетельствовать о возможной «асингармоничности» шорского языка. Причину отсутствия сингармонических вариантов указанных аффиксов и частиц следует искать, по-видимому, в их происхождении.

Подтверждением строгого соблюдения законов сингармонизма в шорском языке могут быть примеры полностью синтезировавшихся АК со вспомогательным глаголом *ыс=*: качество вокальной и консонантной осей стяженной бивербальной конструкции, аналитической по происхождению, четко детерминировано функциональной твердорядностью или мягкорядностью гласного основы ОГ.

3. Тувинские аналитические конструкции

В статье рассматриваются примеры с аналитическими конструкциями, состоящими из трех компонентов, т. е. трехкомпонентные деепричастные аналитические конструкции (ТДАК), соответствующие рассмотренным выше бивербальным деепричастным АК чалканского и шорского языков. В основу исследования была положена классификация АК, предложенная Л. А. Шаминой в работе «Аналитические конструкции сказуемого в тувинском языке». Тувинские ТДАК систематизированы автором по структурному и семантическому параметрам [Шамина, 1995, с. 23–39]. Для проведения слухового фонетического анализа были подобраны и записаны на цифровой диктофон соответствующие выявленным конструкциям примеры из произведений художественной литературы. При проведении анализа учитывались особенности фонико-фонологической системы тувинского языка, выявленные в экспериментально-фонетических исследованиях И. Д. Дамбыра [2005] и С. В. Кечил-оол [2006].

По результатам аудитивных наблюдений все выявленные примеры ТДАК тувинского языка были распределены по трем классам в зависимости от расположения внешней (межсловной) паузы, которая, как показывает анализ АК по другим южносибирским тюркским языкам, играет важную роль в процессе фонетических преобразований.

3.1. ТДАК, в которых межсловная звуковая пауза отсутствует ($V_1 + V_2 + V_3$).

К первому классу ТДАК тувинского языка отнесены конструкции, характеризующиеся полным отсутствием межсловной звуковой паузы между компонентами тривербального сочетания. Такая АК воспринимается фактически как единое фонетическое слово, внешнее сандхи меняет статус и становится внутренним.

Тем не менее процесс стяжения нельзя считать завершенным, поскольку выравнивания по палатальной гармонии гласных в АК первого класса не происходит: чаще всего один из трех компонентов реализуется с иной палатальной осью, чем два остальных. Наиболее продуктивны явления синтетизации в АК с вокальной осью, однородной как по ряду, так и по огубленности.

ТДАК данного класса составляют 36 % от общего числа анализируемых примеров и занимают второе место по употребляемости (после АК второго класса).

В обобщенном виде конструкции первого класса можно представить формулой $V_1 + V_2 + V_3$. Аналитические сочетания рассматриваемого типа представлены в приведенных примерах: *чыдып каап чоруур* [tʃ^cadɑp, k^cɑ:p, tʃ^cγ/θ^cγʁ^c] ‘отстающий (от жизни)’, *үнүн кээп турар* [γn^cγkz:p, tʃ^cьγɑr^c] ‘выходили=они’, *шуужуп бар чыткан* [ʃb^cʃtʃ^cʊz^cəpɑrtʃatkɑn] ‘летели=они’, *дыңнап чыдып калган* [tʃŋ, nɑp, tʃ^cit, ɕɑlqɑn] ‘осталась слушать=она’, *дилеп туруп бергеннер* [tʃ^cʃer^c, tʃ^cur^cer^cɕen^c, n^czr^c] ‘ищут=они’, *сөөртүп чедип келген* [s^cœ:p^c, tʃ^cet^cʃrʁqɤn] ‘таща пришел’, *кире хонуп кээр* [ʃbɔlɑ^cɕ^ctɑxɔn kʃr^c] ‘приходит (на ум)’, *чеде хонуп келген* [tʃ^ced^czχɔnɔp, kəl^cen^c] ‘достигла=она’, *хоора сон алдым* [χɔ-rɑs^c:ɔldɤm,] ‘оторвал=я’.

Фонетический аудитивный анализ предложений первого класса ТДАК позволил выявить кроме общих фонетических признаков, характерных для всех ТДАК этого класса, некоторые частные фонетические изменения, свойственные либо какой-то отдельной АК, либо нескольким АК.

Из пяти примеров АК первого класса, сложные основы которых образованы двумя деепричастиями на =n, в двух предложениях деепричастный показатель сохраняется в спонтанной речи как у первого, так и у второго компонентов АК:

чыдын каап чоруур [tʃ^cadɑp, k^cɑ:p, tʃ^cγ/θrʊr] ‘отстающий (от жизни)’, *сөөртүп чедип келген* [s^cɑ:p tʃ^cetʃrʊʒɪn] ‘таща пришел’.

В других двух примерах аффикс =n деепричастия сохранился только у первого компонента АК: *дыңнап чыдын калган* [tɕn, nɑp, tʃ^citɑlɑɣɑn] ‘осталась слушать=она’, *дилеп туруп бергенер* [tʃ^clʲep, tʃ^curp^cerʒen, nʒr] ‘ищут=они’.

И наоборот, в одном примере у первого компонента ТДАК деепричастный показатель выпал, но сохранился у второго: *үнүп кээп турар* [ynʷkɜ:p, tʃ^cʲrɑr^c] ‘выходили=они’.

В конструкциях с деепричастием *хонуп* в качестве второго компонента АК констатируются различные этапы процесса упрощения фонетической структуры ТДАК.

В АК *кире хонуп кээр* [{bɑɑ}gʁɑxɔn kɕr] ‘приходит (на ум)’ произошло не только выпадение деепричастного показателя, но и смена палатальной сингармонической рядности всей звуковой цепочки фонетического слова. В АК *чеде хонуп келген* [tʃ^cedʒxɔnɑp, kɕlʲɛn] ‘достигла=она’ преобразования затронули лишь третий компонент глагольного сочетания – выпал интервокальный согласный *z* без компенсирующей долготы гласного.

Выпадение или стяжение деепричастных аффиксов =n в звуковых оболочках компонентов сложной основы ТДАК происходит вследствие того, что они утрачивают или уже утратили свою семантику в составе АК. В тех же случаях, где этот показатель еще сохраняется, он выполняет, по большей части, функцию интерфикса, что подтверждается нестабильностью его употребления.

3.2. ТДАК с паузой между основным и вспомогательным компонентами (V₁ /= V₂ + V₃). Трехкомпонентные АК данного класса характеризуются тем, что основной глагол (первый компонент АК) отделен внешней продолжительной звуковой паузой от вспомогательных глаголов (второго и третьего компонентов сочетания). Комплекс вспомогательных глаголов воспринимается аудитивно фактически как единое фонетическое слово, внешнее сандхи трансформировалось во внутреннее, что выражается в отсутствии внешней паузы между вторым и третьим компонентами АК.

Второй класс тувинских ТДАК составляет почти половину всей выборки: 46 % примеров от общего числа анализируемых АК. По частоте употребляемости данный класс занимает первое место.

Структуру АК второго класса можно представить в виде формулы V₁ /= V₂ + V₃. Например: *эдержип чоруп турганы-даа* [ʔzdʒrʲip, /= tʃ^cɑrʲtʃ^curɑnɑ] ‘возможно, дружили=они’, *эглип чоруп олар-ла* [ʒlʲip, /= tʃ^cɑrʲɔβɑrɑlʲɑ] ‘обратно поворачивая, идет=он’, *сөктүп кээп турар* [s^cɑkʲtʃ^cʲʊp, /= kʲe:pʲtʲrɑ /= [ʔɑpʲɑrɑɣɑn,]] ‘стали приезжать=они’, *ышкындырып бар чыткан* [{...ʃʲ} ɪʃkɑndʲr /= pɑrtʃatkɑn] ‘терялась (надежда)’, *алгып чоруй баар* [ʔɑlɑʒp, /= tʃ^cɑ:rʲjɔbɑrʲ{ɪʃkɑ ʒʲlɑj}] ‘опустошная’, *базып кире бээр* [bɑ:zɕp, /= kʲɑrʲeβʲer^c] ‘войдешь (в дом)’, *эдертип чеде бээр* [zdʒp, /= tʃ^cedʒbʲe:r] ‘повести’, *кыза хона берген* [qʲzɑ /= ʒnɑbʲerʲen] ‘покраснело’, *чеде хона берген* [tʃ^cedʒ /= ʒnɑβzrʲɛn] ‘дошла (весь)’, *эдерип кирип келгеш* [ʔzdʒrʲ /= kʲrʲkɑlɑʒʲ] ‘следуя, войдя’, *тыртышыштай шап алган* [tʲrʲtʲʃʲtʲʲ:ʃʲ /= ɑβɑlɑɣɑn]

‘закрыла на замок=она’, *өгленип ап болур* [ø'l'en'ɨ̃n, /=/ ʔɑp,p'ɛ'ɔlɔɣ] ‘можно жениться / выходить замуж’.

Наличие деепричастного показателя =n констатируется в следующих АК рассматриваемых примеров:

а) у первого и второго компонентов сложной основы АК: *эглип чоруп оран-ла* [ɛ'ɫ'ɨ̃p', /=/ tʃ'æŋ'ɔβ'ɔrɔl'œ] ‘обратно поворачивая, идёт=он’, *сөктүп кээп турар* [s'œk,t'ʊp', /=/ k'e:p't'ɨ̃ŋɑ /=/ [ʔɑp'ɛ'ɑŋɑn,]] ‘стали приезжать=они’;

б) деепричастный показатель фиксируется только у первого компонента тривербальной АК, в составе которой два деепричастия на =n: *эдержип чоруп турганы-даа* [ʔɛd'ɛŋ'ɨ̃p', /=/ tʃ'æŋ't'ɨ̃ŋɑnɫ] ‘возможно, дружили=они’;

в) аффикс =n сохраняется в звуковых оболочках первых компонентов конструкций, в которых вторым компонентом является деепричастие на =й или на =а: *алгып чоруй баар* [ʔɑlɔŋ'p', /=/ tʃ'œ:r'ɨ̃jbɑr' {ɫ'kɑ'z'ɫɑj}] ‘опустошаясь’, *базып кире бээр* [bɑ:z'ɨ̃p', /=/ k'œŋ'eβ'er'œ] ‘войдешь (в дом)’, *эдертип чеде бээр* [ɛd'z'p', /=/ tʃ'œd'z'b'œ'r'] ‘повести’.

В ряде ТДАК деепричастный показатель -n выпал:

а) у первого и второго компонентов АК: *эдерип кирип келгеш* [ʔɛd'z'p' /=/ k'ɨ̃r'kɑlɔŋ'ɨ̃] ‘следующая, войдя’;

б) у первого – в АК, в состав которых входит лишь одно деепричастие на -n: *ышкындырып бар чыткан* [{...} ɫ'kɑndɨ̃r /=/ pɑrtʃ'atkɑn] ‘терялась (надежда)’.

Таким образом, из четырех предложений с АК второго класса, сложные основы которых образованы двумя деепричастиями на -n, в примерах *эглип чоруп оран-ла* [ɛ'ɫ'ɨ̃p', /=/ tʃ'æŋ'ɔβ'ɔrɔl'œ] ‘обратно поворачивая, идёт=он’, *сөктүп кээп турар* [s'œk,t'ʊp', /=/ k'e:p't'ɨ̃ŋɑ /=/ [ʔɑp'ɛ'ɑŋɑn,]] ‘стали приезжать=они’ служебный показатель сохраняется в обоих компонентах. В примере *эдержип чоруп турганы-даа* [ʔɛd'ɛŋ'ɨ̃p', /=/ tʃ'æŋ't'ɨ̃ŋɑnɫ] ‘возможно, дружили=они’ аффикс =n констатируется только в составе первого деепричастия. В примере *эдерип кирип келгеш* [ʔɛd'z'p' /=/ k'ɨ̃r'kɑlɔŋ'ɨ̃] ‘следующая, войдя’ наблюдается полная редукция рассматриваемого показателя в обоих деепричастиях на =n, входящих в состав ТДАК. Следует отметить, что в АК первого класса, в отличие от АК второго класса, не было зафиксировано случаев выпадения аффикса =n в обоих деепричастиях на =n в составе рассматриваемого комплекса.

В тех же случаях, когда в состав АК входит лишь одно деепричастие на =n (в качестве первого компонента, репрезентирующего основной глагол), его фонетический облик более стабилен: выпадение морфологического показателя не происходит в трех примерах: *алгып чоруй баар* [ʔɑlɔŋ'p', /=/ tʃ'œ:r'ɨ̃jbɑr' {ɫ'kɑ'z'ɫɑj}] ‘опустошаясь’, *базып кире бээр* [bɑ:z'ɨ̃p', /=/ k'œŋ'eβ'er'œ] ‘войдешь (в дом)’, *эдертип чеде бээр* [ɛd'z'p', /=/ tʃ'œd'z'b'œ'r'] ‘повести’, в то время как его утрата констатируется лишь в одном случае: *ышкындырып бар чыткан* [{...} ɫ'kɑndɨ̃r /=/ pɑrtʃ'atkɑn] ‘терялась (надежда)’ – в комбинации двух губных согласных на стыке двух компонентов АК при сохранении позиции внешнего сандхи.

Нестабильность употребления аффикса =n в структуре тувинских ТДАК свидетельствует о развивающемся процессе десемантизации деепричастных компонентов, об утрате ими информативности и – как следствие – об упрощении фоне-

тического облика комплекса, направленного на минимизацию произносительных усилий.

3.3. ТДАК с паузой между вспомогательными компонентами ($V_1 + V_2 \neq V_3$ {+ L}). Спецификой третьего класса тувинских ТДАК является отсутствие межсловной паузы между ОГ и первым ВГ, это двухкомпонентное сочетание воспринимается фактически как единое фонетическое слово, внешнее сандхи меняет статус и трансформируется во внутреннее. В то же время между вспомогательными глаголами отмечается внешняя продолжительная звуковая пауза, которая делит конструкцию на два комплекса: первый – $V_1 + V_2$, второй – V_3 .

При этом в одних примерах отмечается слияние (*озалдап каап турар улус* [ɔzɑldɑp, kɑ:ɔ:p, /≠/ t'ur{lus}] 'отстающие люди'), в других – примыкание постпозитивного слова ко второму вспомогательному глаголу (*чугаалап каап тургай сен* [tʃʉɑlɑp, kɑ:ɔ:p, /≠/ t'urɑj{s':ɕn}] 'будешь рассказывать=ты', *кылаштап чоруй баар араңда* [k'laʃtɑp, tʃœr'e /≠/ ɣɑ:ɣ{ɑŋdɑ}] 'в тот момент, когда ты пойдёшь пешком', *парлап берип көрүңөр дээш* [pɑl'æp, p'œ:r'ip, /≠/ kœŋ'œr{d'œʃ}] 'сказав, напечатайте (мне)'), внешнее сандхи обретает статус внутреннего, вследствие чего третий компонент ТДАК и постпозитивное к нему слово также реализуются как единый фонетический комплекс.

Структуру аналитических тривербальных сочетаний рассматриваемого класса можно отразить формулой: $V_1 + V_2 \neq V_3$ {+ L}. ТДАК третьего класса наименее частотны, они составляют в нашей выборке 16 % от общего числа анализируемых АК.

Аудитивный анализ тувинских трехкомпонентных деепричастных АК третьего класса свидетельствует о следующем. Во всех примерах АК с деепричастиями на =n в позиции как внешнего сандхи, так и сменившего статус и трансформировавшегося в процессе фонетических преобразований во внутреннее сандхи сохраняется деепричастный показатель =(ы)n. Согласный реализуется как смычный облигаторно имплозивный. Указанные особенности формирования звукового облика АК косвенно свидетельствуют о прочных позициях аналитизма в ТДАК рассматриваемого класса, о слабости процессов синтеза компонентов тривербальных конструкций.

Таким образом, в результате анализа тувинских трехкомпонентных деепричастных аналитических конструкций было выявлено три класса единиц в зависимости от расположения межсловной звуковой паузы: 1) $V_1 + V_2 + V_3$, 2) $V_1 \neq V_2 + V_3$, 3) $V_1 + V_2 \neq V_3$ {+ L}.

Наиболее частотным фонетическим изменением в тувинских АК в позициях внешнего и внутреннего сандхи является выпадение аффикса деепричастия =(ы)n, редукция которого происходит вследствие утраты показателем своей информативности в составе АК. В тех же случаях, где этот аффикс сохраняется, он выполняет, по большей части, функцию интерфикса.

Устранение в АК первого класса внешней (межсловной) паузы, выполняющей в других классах делимитативную функцию между компонентами ТДАК, свидетельствует о большей активности процесса синтеза компонентов тривербальных комплексов первого класса по сравнению с ТДАК второго и третьего классов, где фонетические преобразования находятся на начальной стадии. Иными словами, наблюдается процесс морфологического опрощения в результате усечения какой-то части сложной (аналитической) формы, который некоторые тюркские языки уже пережили [Шамина, 1995, с. 24]. В представленных в статье материалах зафиксированы различные этапы этого явления.

Заключение

Анализ фонетических трансформаций, происходящих в позициях внешнего и внутреннего сандхи в глагольных аналитических конструкциях трех южносибирских тюркских языков – чалканского, шорского и тувинского, свидетельствует о типологической общности структурных преобразований фонико-фонологических и грамматических систем в алтае-саянских языках, детерминированной единым региональным архетипом, заложенным в генетической памяти этносов.

В основе инновационных модификаций звукового облика АК лежат процессы десемантизации входящих в их состав глагольных форм, ослабления их статуса, что, в свою очередь, детерминирует устранение межсловных пауз с последующим слиянием компонентов АК в единое фонетическое слово, преобразование позиций внешнего сандхи во внутреннее, реализацию ассимилятивных закономерностей, обусловленных вновь сформировавшимся фонетическим контекстом.

Вместе с тем специфика модификаций современного звукового оформления глагольных аналитических конструкций в каждом из трех родственных тюркских языков Южной Сибири сформировалась благодаря тому, что артикуляционные уклады, сложившиеся на ранней стадии существования этносов и сохраняющиеся на протяжении веков в своих доминантных характеристиках, выполняют функцию аккумуляторов, хранителей, трансляторов и манифестаторов социально-исторического опыта предшествующих поколений. Параметры артикуляционно-акустических паттернов языков как составляющие этнического архетипа являются одними из наиболее ярких маркеров принадлежности участников процесса коммуникации к той или иной группе социума, одними из базовых основ самоидентификации.

В чалканском языке фактически во всех типах АК завершилось выпадение деепричастного показателя основного глагола вследствие утраты им информативности; в большинстве случаев устранена внешняя пауза, выполнявшая делимитативную функцию между компонентами АК; фонетическая позиция, являющаяся по происхождению позицией внешнего сандхи, реализуется в языке современных чалканцев как внутрисандхиальная вследствие стяжения исторически самостоятельных лексем в единое слово.

При возникновении в результате стяжения определенного фонетического контекста на стыке основного и вспомогательного глаголов происходит контактная регрессивная ассимиляция ауслота ОГ по звонкости-глухости, ослабление сильнонапряженных (фарингализованных) артикуляций в анлауте ВГ, выпадение звуков или звуковых комплексов в интервокале на стыке морфем с последующим стяжением соседних гласных в один долгий и утратой этой долготы – в речи современных чалканцев случаи реализации вторичной долготы в стяженных АК фиксируются крайне редко.

Значительно медленнее осуществляется в языке чалканцев сингармонизация – дистантная ассимиляция по палатальной и лабиальной рядности вспомогательных компонентов бивербальных конструкций, осложняя тем самым процессы их синтетики.

В современном шорском языке существуют значительные ограничения на использование аналитических конструкций. По способности подвергаться звуковым преобразованиям на стыке слов и морфем шорские деепричастные АК разделены на три группы: АК, в которых такие изменения облигаторны; АК с факультативными фонетическими изменениями; АК, характеризующиеся стабильностью фонетического облика.

Для звуковых оболочек АК с регулярно повторяющимися звуковыми изменениями ($Tv=n+odur=$, $Tv=n+ysc=$, $Tv=n+al=$, $a(lyn)+V^{scn}$, $Tv=V+nep=$) наиболее

характерны процессы озвончения глухих ауслатных и анлаутных согласных, ассимиляции по назальности, выпадения компонентов слова, геминации согласных, фиксируемые в позициях сандхи. Для БВК $a(лын)+V^{ссп}$ обязательна сильная редукция деепричастной формы ОГ, представленного в современном шорском языке лишь инициальным гласным *a*-. Столь значительное усечение основного глагола в составе конструкции, аналитической по происхождению, свидетельствует о том, что процесс синтезации, уходящий корнями в далекое прошлое, в настоящее время полностью завершен и единственным маркером аналитизма в генезисе формы может быть наличие сильной межслоговой паузы.

В АК с факультативно происходящими звуковыми изменениями ($Tv=(n)+пер=$, $Tv=(n)+кел=$, $Tv=(n)+сал=$, $Tv=(n)+қал=$) преобразования затрагивают АК указанных подтипов в тех случаях, когда к основному глаголу в отрицательной форме на *-наан/-нан* присоединяется вспомогательный глагол с инициальным глухим согласным: межсловная пауза устраняется, внешнее сандхи трансформируется во внутреннее, вследствие чего формируются фонетические условия для озвончения глухого анлаутного консонанта ВГ, оказавшегося в постсонантно-превокальной позиции.

Отсутствие звуковых преобразований в БВК ($Tv=(n)+нар=$, $Tv=(n)+мур=$, $Tv=n+шық=$, $Tv=(n)+көр=$, $Tv=(n)+чөр=$) свидетельствует об устойчивости конструкций, сохранении ими статуса аналитических.

В результате фонетического анализа тувинских трехкомпонентных деепричастных аналитических конструкций было выявлено три класса единиц в зависимости от расположения внешней звуковой паузы. При этом АК одного и того же типа могут входить в различные с точки зрения фонетических преобразований классы, что может быть обусловлено различной продуктивностью использования конструкций в речи.

Первый класс АК тувинского языка характеризуется отсутствием межсловной звуковой паузы между компонентами тривербального сочетания. Такая АК воспринимается как единое фонетическое слово, внешнее сандхи становится внутренним. Тем не менее процесс стяжения нельзя считать завершенным, поскольку выравнивания по палатальной гармонии гласных в АК первого класса не происходит: чаще всего один из трех компонентов реализуется с иной палатальной осью, чем два остальных. Наиболее продуктивны явления синтезации в аналитических конструкциях с вокальной осью, однородной как по ряду, так и по огубленности.

АК второго класса наиболее частотны. Они характеризуются тем, что основной глагол (первый компонент АК) отделен внешней продолжительной звуковой паузой от вспомогательных глаголов (второго и третьего компонентов сочетания), комплекс же вспомогательных глаголов воспринимается как единое фонетическое слово.

Спецификой третьего класса тувинских деепричастных трехкомпонентных аналитических конструкций является отсутствие межсловной паузы между основным глаголом и первым вспомогательным, в то время как между вспомогательными глаголами отмечается внешняя продолжительная звуковая пауза, которая делит конструкцию на два комплекса: первый – V_1+V_2 , второй – V_3 .

Обобщенные результаты исследования свидетельствуют о том, что в чалканском, шорском и тувинском языках на современном этапе их развития фиксируются различные стадии процесса синтезации АК. Если в языке чалканцев во многих случаях стяжение аналитических форм привело к окончательной утрате ими прозрачности структуры, к невозможности вычленения вспомогательных глаголов, то в шорском вычленение вспомогательных глаголов в БВК, аналитических по происхождению, не вызывает особых затруднений, несмотря на активное протекание процессов утраты лексическими компонентами АК самостоятельности,

стяжения их в одно слово с соблюдением правил фонотактики и подчинением законам шорского сингармонизма. В тувинском же языке процесс упрощения АК находится на более ранних этапах, уже пережитых близкородственными южносибирскими тюркскими языками – чалканским и шорским.

Таким образом, комплексная картина исторического опыта этноса включает и лингвистический аспект, одной из составляющих которого является артикуляционно-акустическая база как система произносительных навыков и их акустических эффектов. Фронтальное систематическое исследование ААБ народов Сибири и сопредельных регионов позволило бы внести лингвистическую составляющую в «карту памяти» россиян, необходимость создания которой активно обсуждается в научном сообществе [Ростовцев, Сосницкий, 2014, с. 120].

Авторы статьи выражают благодарность кандидатам филологических наук А. В. Байыр-оол и Н. Н. Фединой (Сумачаковой) за подбор материалов по тувинскому и чалканскому языкам, а также за помощь в их переводе, расшифровке и анализе.

Список литературы

- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 608 с.
- Дамбыра И. Д.* Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск, 2005. 223 с.
- Джунисбеков А.* Проблемы тюркской словесной просодии и сингармонизм казахского слова: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1988. 60 с.
- Дыренкова Н. П.* Грамматика шорского языка. М.; Л., 1941. 307 с.
- Кечил-оол С. В.* Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. Новосибирск, 2006. 362 с.
- Курпешко Н. Н., Широкова Н. Н.* Бивербальные конструкции с глаголами бытия в шорском языке. Кемерово, 1991. 75 с.
- Наделяев В. М.* Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л., 1960. 68 с.
- Ознова А. А., Тазранова А. Р.* Аналитические конструкции в чалканском диалекте (в сопоставлении с алтайским литературным языком) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 15: Чалканский сборник. Новосибирск, 2004. С. 55–72.
- Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А.* Направления исследований исторической памяти в России // Вестн. С.-Петербург. гос. ун-та. 2014. Сер. 2, вып. 2. С. 106–126.
- Сарбашева С. Б.* Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск, 2004. 242 с.
- Селютин И. Я., Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р.* Чалканские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи // Языки коренных народов Сибири. Вып. 18: Аналитические структуры в простом и сложном предложении. Новосибирск, 2006. С. 216–234.
- Субракова В. В.* Консонантизм нижне-тёйского говора сагайского диалекта хакасского языка: Сопоставительный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.
- Субракова В. В.* Система согласных сагайского диалекта хакасского языка: Сопоставительный аспект. Новосибирск: Сова, 2006. 244 с.
- Уртегешев Н. С.* Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск, 2002. 304 с.
- Уртегешев Н. С.* Малошумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск, 2004. 240 с.

Уртегешев Н. С. Внутряязыковые фонетические процессы, влияющие на усложнение языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Новосибирск, 2015. № 2, вып. 29. С. 81–88.

Уртегешев Н. С. Фонетика чулымско-тюркского языка по записям 70-х годов XX века // Урало-алтайские исследования. 2016. № 1(20). С. 105–110.

Уртегешев Н. С., Селютин И. Я., Рыжикова Т. Р. Шорские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи // Языки коренных народов Сибири. Вып. 19: Развитие аналитических структур в условиях языковых контактов. Новосибирск, 2007. С. 87–109.

Уртегешев Н. С., Селютин И. Я., Рыжикова Т. Р. Тувинские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи // Урало-Алтайские исследования. 2017. (В печати).

Уртегешев Н. С., Селютин И. Я., Эсенбаева Г. А., Рыжикова Т. Р., Добринина А. А. Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий // Урало-алтайские исследования. 2009. № 1. С. 100–115.

Чедыген: Сб. произведений шорской литературы на шорском и русском языках / Сост. Л. И. Чульжанова, Г. В. Косточаков, Л. Н. Арбачакова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. 227 с. (Прил. к журн. «Огни Кузбасса»; № 28).

Чистяков Э. Ф. Учебник шорского языка. Кемерово, 1992а. 318 с.

Чистяков Э. Ф. Графика и орфография шорского языка. Кемерово, 1992б. 61 с.

Шамина Л. А. Аналитические конструкции сказуемого в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 1995. С. 23–39.

Шенцова И. В. Акциональные формы глагола в шорском языке. Кемерово, 1997. 148 с.

Языки коренных народов Сибири. Вып. 7: Экспедиционные материалы. Ч. I. Новосибирск, 2003. 204 с.

Языки коренных народов Сибири. Вып. 13: Экспедиционные материалы. Новосибирск, 2004а. 164 с.

Языки коренных народов Сибири. Вып. 15: Чалканский сборник. Новосибирск, 2004б. 178 с.

Список сокращений и условных обозначений

ААБ – артикуляционно-акустическая база; **АК** – аналитическая конструкция; **БВК** – бивербальная конструкция; **ВГ** – вспомогательный глагол; **ОГ** – основной глагол; **ТДАК** – трехкомпонентная деепричастная аналитическая конструкция; **С** – согласный звук; **Л** – слово; **Т_v=** – глагольная основа; **V₁, V₂, V₃** – глагольные компоненты аналитической конструкции; **V^{всп.}** – вспомогательный глагол; **↓** – выпадение морфемы; **/=/** – внешняя (межсловная) звуковая пауза; **{}** – пре- либо постпозитивное слово, не относящееся к ТДАК, но фонетически сливающееся с ним (полностью или частично).

I. Ya. Selyutina¹, N. S. Urtegeshev²

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

¹ siya_irina@mail.ru, ² urtegeshev@mail.ru

Phonetic changes in the positions of sandhi in the analytical forms of the Turkic verb as a phenomenon of historical memory of the ethnos

The analysis of phonetic changes in the positions of the internal and external sandhi in the verbal analytical constructions (AC) of the three South Siberian Turkic languages – Chalkan,

Shor, and Tuvan shows the typological unity of structural conversions of phonic-phonological and grammatical systems of the Altai-Sayan languages, determined by common regional archetype embedded in the genetic memory of ethnic groups.

At the same time, the different stages of the process of AC synthesizing – from the full contraction in Chalkan to the earlier loss of independence of lexical components AC in Tuvan – are recorded in the languages at the present phase of their development. If in Chalkan, the contraction of the analytical forms led in many cases to the final loss of transparency of the structure and to the impossibility of isolation of the auxiliary verbs, in Shor, the separation of auxiliary verbs in bi-verbal constructions of analytic origin does not cause any particular difficulties, despite the active processes of loss of independence of the lexical components of AC, their contraction in one word according to the phonotactics rules and the laws of Shor synharmony. The Tuvan language is only beginning the simplification of AC while the closely-related South Siberian Turkic languages, Chalkan and Shor have already experienced this process.

The innovative modifications of the sound form of the AC towards their synthesizing are based on the phenomena of desemantization of the components of the verbal forms, weakening of their status, which, in turn, helps in eliminating the pauses between words, merging elements of AC into a single phonetic word, transforming the position of the external sandhi in internal, and realizing the assimilative rules due to newly formed phonetic context.

Thus, a comprehensive picture of the historical experience of an ethnic group includes the linguistic aspect, one part of which is the articulatory-acoustic base as the system of pronunciation skills and their acoustic effects which develops in the early stages of the ethnic group formation and is passed down in their dominant features from generation to generation even if the ethnic group changes the language in the process of historical development. The specifics of the sound changes in languages is due to features of the articulatory patterns as basic components of the historical memory of ethnic groups, the cardinal markers of identity.

Keywords: Turkic languages of South Siberia, verbal analytical constructions, phonetic conversions, sandhi, historical memory.

DOI 10.17223/18137083/59/10

References

- Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, 1966, 608 p.
- Chedygen: Sb. proizvedeniy shorskoy literatury na shorskom i russkom yazykakh* [Collection of works of Shor literature in the Shor and Russian languages]. L. I. Chul'zhanova, G. V. Kostochakov, L. N. Arbachakova (Comp.). Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, 227 p. (Att. to the journal "Ogni Kuzbassa"; no. 28).
- Chispiyakov E. F. *Uchebnik shorskogo yazyka* [Textbook of Shor language]. Kemerovo, 1992a, 318 p.
- Chispiyakov E. F. *Grafika i orfografiya shorskogo yazyka* [Graphics and orthography of Shor language]. Kemerovo, 1992b, 61 p.
- Dambyra I. D. *Vokalizm kaa-khemskogo govora v sopostavlenii s drugimi govorami i dialektami tuvinskogo yazyka* [Vocalism of the Kaa-Khem subdialect in comparison with other subdialects and dialects of the Tuvinian language]. Novosibirsk, 2005, 223 p.
- Dzhunisbekov A. *Problemy tyurkskoy slovesnoy prosodii i singarmonizm kazakhskogo slova* [The problems of the Turkic word prosody and synharmonism of Kazakh word]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Alma-Ata, 1988, 60 p.
- Dyrenkova N. P. *Grammatika shorskogo yazyka* [Grammar of the Shor language]. Moscow, Leningrad, 1941, 307 p.
- Kechil-ool S. V. *Tipologicheskaya spetsifika konsonantizma sut-khol'skogo govora v sisteme govorov i dialektov tuvinskogo yazyka* [Typological specifics of consonantism of Sut-Khol subdialect in the system of sub-dialects and dialects of the Tuvinian language]. Novosibirsk, 2006, 362 p.
- Kurpeshko N. N., Shirobokova N. N. *Biverbal'nye konstruktsii s glagolami bytiya v shorskom yazyke* [Biverbal constructions with verbs of existence in Shor language]. Kemerovo, 1991, 75 p.
- Nadelyaev V. M. *Proekt universal'noy unifitsirovannoy foneticheskoy transkripsii (UUFT)* [The project of universal uniform phonetic transcription (UUFT)]. Moscow, Leningrad, 1960, 68 p.

Ozonova A. A., Tazranova A. R. Analiticheskie konstruktssii v chalkanskom dialekte (v soptavlenii s altayskim literaturnym yazykom) [Analytical constructions in Chalkan dialect (in comparison with the Altai literary language)]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri. Vyp. 15: Chalkanskiy sbornik* [Indigenous languages of Siberia. Iss. 15. Chalkan Collection]. Novosibirsk, 2004, pp. 55–72.

Rostovtsev E. A., Sosnitskiy D. A. Napravleniya issledovaniya istoricheskoy pamyati v Rossii [The directions of studies of historical memory in Russia]. *Vestnik of Saint Petersburg University*. 2014, ser. 2, iss. 2, pp. 106–126.

Sarbasheva S. B. *Fonologicheskaya sistema tuba-dialekta altayskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte)* [The phonological system of the Tuba-dialect of Altai language (in comparative aspect)]. Novosibirsk, 2004, 242 p.

Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S., Ryzhikova T. R. Chalkanskije analiticheskie formy glagola: foneticheskie izmeneniya v pozitsiyakh sandkhi [Chalkan analytical verb forms: phonetic changes in the positions of the sandhi]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri. Vyp. 18: Analiticheskie struktury v prostom i slozhnom predlozhenii* [Indigenous languages of Siberia. Iss. 18. Analytical structures in simple and complex sentences]. Novosibirsk, 2006, pp. 216–234.

Shamina L. A. Analiticheskie konstruktssii skazuemogo v tuvinskom yazyke [Analytical constructions of the predicate in the Tuvan language]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri. Vyp. 2* [Indigenous languages of Siberia. Iss. 2]. Novosibirsk, 1995, pp. 23–39.

Shentsova I. V. *Aksional'nye formy glagola v shorskoy yazyke* [Action verb forms in the Shor language]. Kemerovo, 1997, 148 p.

Subrakova V. V. *Konsonantizm nizhne-teyskogo govora sagayskogo dialekta khakasskogo yazyka: sopostavitel'nyy aspekt* [Consonantism of Lower-Teya sub-dialect of Sagay dialect of the Khakass language: comparative aspect]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2005, 28 p.

Subrakova V. V. *Sistema soglasnykh sagayskogo dialekta khakasskogo yazyka: sopostavitel'nyy aspekt* [The system of consonants of Sagay dialect of the Khakass language: comparative aspect]. Novosibirsk, Sova, 2006, 244 p.

Urtegeshev N. S. *Shumnyy konsonantizm shorskogo yazyka (na materiale mrosskogo dialekta)* [Noisy consonantism of the Shor language (on the material of Mrass dialect)]. Novosibirsk, 2002, 304 p.

Urtegeshev N. S. *Maloshumnyy konsonantizm shorskogo yazyka (na materiale mrosskogo dialekta)* [Low Noisy consonantism of the Shor language (on the material of Mrass dialect)]. Novosibirsk, 2004, 240 p.

Urtegeshev N. S. Vnutriyazykovye foneticheskie protsessy, vliyayushchie na uslozheniye yazyka [Intra-language phonetic processes that affect on the language complexity]. In: *Languages and folklore of indigenous peoples of Siberia*. Novosibirsk, 2015, no. 2 (iss. 29), pp. 81–88.

Urtegeshev N. S. Fonetika chulymsko-tyurkskogo yazyka po zapisyam 70-kh godov XX veka [Phonetics of Chulym Turkic language according to the records of the 70-ies of XX century]. *Ural-Altai Studies*. 2016, no. 1(20), pp. 105–110.

Urtegeshev N. S., Selyutina I. Ya., Ryzhikova T. R. Shorskie analiticheskie formy glagola: foneticheskie izmeneniya v pozitsiyakh sandkhi [Shor analytical verb forms: phonetic changes in the positions of the sandhi]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri. Vyp. 19: Razvitiye analiticheskikh struktur v usloviyakh yazykovykh kontaktov* [Indigenous languages of Siberia. Iss. 19. The development of analytic structures in conditions of language contacts]. Novosibirsk, Publ. Center of NSU, 2007, pp. 87–109.

Urtegeshev N. S., Selyutina I. Ya., Ryzhikova T. R. Tuvinskie analiticheskie formy glagola: foneticheskie izmeneniya v pozitsiyakh sandkhi [Tuvan analytical forms of the verb: phonetic changes in the positions of sandhi]. In: *Uralo-Altayskie issledovaniya*. 2017. (In print).

Urtegeshev N. S., Selyutina I. Ya., Esenbaeva G. A., Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A. Foneticheskie transkriptsionnye standarty UUFT i MFA: sistema sootvetstviy [Phonetic transcription standards UUFT and IPA: correspondences]. *Ural-Altai Studies*. 2009, no. 1, pp. 100–115.

Yazyki korennykh narodov Sibiri. Vyp. 7: Ekspeditsionnye materialy. Ch. I. [Indigenous languages of Siberia. Iss. 7. Expedition materials. Pt 1]. Novosibirsk, 2003, 204 p.

Yazyki korennykh narodov Sibiri. Vyp. 13: Ekspeditsionnye materialy. [Indigenous languages of Siberia. Iss. 13. Expedition materials]. Novosibirsk, 2004a, 164 p.

Yazyki korennykh narodov Sibiri. Vyp. 15: Chalkanskiy sbornik [Indigenous languages of Siberia. Iss. 156. Chalkan collection]. Novosibirsk, 2004b, 178 p.